

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN 2618-6845

**LXI Студенческая международная
заочная научно-практическая
конференция**

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ
№3(61)**

г. МОСКВА, 2023

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ

*Электронный сборник статей по материалам LXI студенческой
международной научно-практической конференции*

№ 3 (61)
Март 2023 г.

Издается с февраля 2018 года

Москва
2023

УДК 009
ББК 6\8
Г94

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Волков Владимир Петрович – кандидат медицинских наук, рецензент АНС «СибАК»;

Елисеев Дмитрий Викторович – кандидат технических наук, доцент, начальник методологического отдела ООО "Лаборатория институционального проектного инжиниринга";

Захаров Роман Иванович – кандидат медицинских наук, врач психотерапевт высшей категории, кафедра психотерапии и сексологии Российской медицинской академии последипломного образования (РМАПО) г. Москва;

Зеленская Татьяна Евгеньевна – кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра высшей математики в Югорском государственном университете;

Карпенко Татьяна Михайловна – кандидат философских наук, рецензент АНС «СибАК»;

Копылов Алексей Филиппович – кандидат технических наук, доц. кафедры Радиотехники Института инженерной физики и радиоэлектроники Сибирского федерального университета, г. Красноярск;

Костылева Светлана Юрьевна – кандидат экономических наук, кандидат филологических наук, доц. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), г. Москва;

Попова Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики и психологии института детства НГПУ;

Г94 Гуманитарные науки. Студенческий научный форум. Электронный сборник статей по материалам LXI студенческой международной научно-практической конференции. – Москва: Изд. «МЦНО». – 2023. – № 3 (61) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/3\(61\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/SNF_humanities/3(61).pdf)

Электронный сборник статей LXI студенческой международной научно-практической конференции «Гуманитарные науки. Студенческий научный форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

Оглавление

Секция 1. Культурология	4
ДЕНЬ ОЛЕНЕВОДА КАК СОБЫТИЙНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ В РАМКАХ ПРОБЛЕМАТИКИ СОБЫТИЙНОГО МЕНЕДЖМЕНТА	4
Базгутдинова Лиана Илдаровна Смирнов Алексей Викторович	
Секция 2. Педагогика	10
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К ШКОЛЕ	10
Узденова Лаура Исмаиловна Лобейко Юрий Александрович	
Секция 3. Психология	15
ОСОБЕННОСТИ В ПРОЯВЛЕНИИ ЭМПАТИИ У СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГОВ	15
Адилова Лора Темирболатовна Дуплякин Евгений Борисович	
ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ СТАЖА РАБОТЫ	21
Иванченко Валентина Николаевна	
Секция 4. Филология	26
СПЕЦИФИКА ЛАКУНИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА	26
Филатов Сергей Витальевич Дурова Мария Владимировна	

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДЕНЬ ОЛЕНЕВОДА КАК СОБЫТИЙНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ В РАМКАХ ПРОБЛЕМАТИКИ СОБЫТИЙНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Базгутдинова Лиана Илдаровна

*студент,
Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного
университета технологии и дизайна,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Смирнов Алексей Викторович

*научный руководитель, д-р философ. наук,
и.о. заведующего кафедрой рекламы,
профессор кафедры рекламы,
Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного
университета технологии и дизайна,
РФ, г. Санкт-Петербург*

REINDEER HERDER'S DAY AS AN EVENT ACTIVITY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ISSUES OF EVENT MANAGEMENT

Liana Bazgutdinova

*Student,
Higher School of Printing and Media Technologies,
St. Petersburg State University of Technology and Design,
Russia, St. Petersburg*

Alexey Smirnov

*Scientific adviser, Dr. Philosopher. Sciences,
and about. Head of the Department of Advertising,
Professor of the Department of Advertising,
Graduate School of Printing and Media Technologies,
St. Petersburg State University of Technology and Design,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика идентификации праздника Дня оленевода как событийного мероприятия и применения в его

отношении событийного менеджмента, актуализируются вопросы политического и корпоративного взаимодействия для реализации событийных мероприятий, отмечаются отличия Дня оленевода от прочих событийных мероприятий и предлагаются способы разрешения вопроса об идентификации праздника в качестве событийного мероприятия.

Abstract. The article deals with the problems of identifying the Reindeer Herder's Day holiday as an event activity and the application of event management in relation to it, the issues of political and corporate interaction for the implementation of event events are updated, the differences between the Reindeer Herder's Day and other event events are noted, and ways to resolve the issue of identifying the holiday as an event activity are proposed.

Ключевые слова: день оленевода, событийное мероприятие, событийный маркетинг, дестинация, этнотуризм.

Keyword: reindeer herder's day, event activity, event marketing, destination, ethnotourism.

Традиционная культура КМНС в СССР большую часть его истории подвергалась стигматизации: объекты материальной и духовной культуры становились частью музейных этнографических выставок, в то время как в отношении коренного населения проводилась интенсивная политика коллективизации, явно прослеживалось стремление властей к модернизации северных народов, к их переходу с традиционного к промышленному укладу жизни [8]. Так, появившийся в 30-х годах прошлого столетия День оленя преследовал цель чествования оленеводческих хозяйств, и только во второй половине XX века парадигма отношения к традиционному укладу жизни КМНС претерпевает метаморфозы, появляется осознание необходимости сохранения самобытности быта и культуры северных народов. Вместе с тем, трансформация Дня оленя в День оленевода связана с возникновением и укреплением корпораций, занимающихся добычей углеводородов в арктической и субарктической зонах,

которые занимаются спонсированием праздника. Стоит отметить, что декларируемая причина финансовой поддержки, согласно которой финансирование служит сохранению и популяризации традиционной культуры КМНС, вероятно не является основополагающей или, во всяком случае, основной. Мы можем обнаружить, что праздник представляет собой событие, предоставляющее непосредственную обоюдную выгоду как нефтегазовым компаниям (заявление о своей социальной ответственности), так и коренным народам. Для вторых культивация праздника предоставляет не только возможность обращения к властям и улучшения своего материального положения (победители игр получают ценные призы, полезные в оленеводческой деятельности), но и заявить о своём историческом праве на землю [7]. Принято считать, что последний аспект возникает при «переизобретении традиций» [5], однако, как мы видим, оно не обязательно в полном смысле и может быть ограничено образованием нового события, сочетающим в себе элементы традиционной культуры. Здесь мы имеем в виду тот факт, что День оленевода для КМНС не является традиционным праздником, имея в виду его отрыв от традиционного уклада жизни коренных народов Севера как автохтонного [2]. Также заметен факт того, что сейчас политика корпораций в отношении праздника совпадает политикой местных и региональных властей. День оленевода обеспечивает не только инвестиционные вливания и выгоду от потока туристов, но и способствует стимулированию развития инфраструктуры на территории дестинации [4].

Отнесение Дня оленевода к событийным мероприятиям, по отношению к которым, соответственно, распространяются правила событийного маркетинга, осложняется проблематикой определения и адекватной оценки его дестинаций. Так, только в Ямало-Ненецком автономном округе празднование проходит в различных его муниципалитетах, ввиду чего возникают трудности в разрешении вопроса туристической презентации для тех людей, которые желали бы посетить праздник. Причём не стоит забывать и о том, что событие отмечается не только на территории ЯНАО, но и в других регионах России, которым свойственна

финно-угорская народность, и где развито занятие оленеводством. [1, 6, 9]. Это справедливо и для других стран, например, для Финляндии.

С другой стороны, мы всё-таки можем разглядеть в ямальских празднествах культурную и досугово-развлекательную составляющую событийного мероприятия [4]. Несмотря на серьёзную территориальную рассеянность одного праздника, в каждом населённом пункте, где он проводится, имеется долгая многолетняя история крепкой связи дестинации с мероприятием, вплоть до крепко закреплённых в общественном сознании локаций игрищ, составляющих данное событие. Так, в городе Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа во время празднования Дня оленевода гонки на оленьих упряжках традиционно проводятся на замёрзшем озере Янтарном. Также важно отметить, что на территории ЯНАО ярко выражены такие локальные национально-государственные самоидентификации, как «ямалец» и «северянин» [10], что, в свою очередь, позволяет привлекать к событиям большое количество местного некоренного населения, которое в рамках собственной идентификации воспринимает День оленевода, как свой «ямальский» и «северный» праздник. Видимое выше противоречие можно будет считать разрешённым, если мы примем во внимание данные о том, как вообще развивается туристическая политика в арктической и субарктической зонах Уральского федерального округа, благодаря чему будет выявлена устойчивость Дня оленевода как событийного мероприятия. Обнаруживается, что на территориях ЯНАО и ХМАО выстроена система этнотуризма, знакомящая гостей регионов с традиционным укладом жизни коренных малочисленных народов Севера в различные сезонные промежутки времени, в том числе организуются выезды с целью ознакомления с жизнью КМНС в традиционной для них среде [3]. В рамках всё той же туристической политики ведётся активное сотрудничество с индивидуальными предпринимателями и промышленниками из числа местного коренного населения, что, опять же, отсылает нас к такой особенности событийных мероприятий, как тесное взаимодействие местных производящих и корпоративных сил, именуемое ко-брендингом [5], что приемлемо по отношению к исследуемому оленеводческому празднику, где данное сочетание

обнаруживается в качестве организационных особенностей его проведения (например, сочетание дегустации строганины от местных хозяйств с взаимодействием местных и региональных властей с крупными компаниями по добыче и производству углеводорода для организации праздника). Здесь же видно обращение к мероприятию с точки зрения туристской привлекательности, выраженное не на уровне привычной дестинации, а на уровне регионального образования. Также можно заметить факт того, что портфельный подход, служащий для усиления бренда, разделяется в плане собственной реализации между политическими кругами местного самоуправления и коммерческими предприятиями. Данная система индигенного туризма является устойчивой, а этнотуры имеют своих постоянных состоятельных клиентов. День оленеводов, в свою очередь, является лишь частью общей обширной программы туристической программы данных регионов. Несмотря на то, что справедливо будет усомниться в отнесении всего комплекса политических мер, направленных на развитие этнотуризма в регионах, их характер по отношению к празднованию Дня оленевода (который, безусловно, обладает большинством характеристик событийного мероприятия) позволяет нам определить дестинацию праздника как весь регион, на который направлена государственная этнотуристическая политика, чётко прослеживаемая связка организационных аспектов и их общего взаимодействия. Слабой стороной нашего довода может служить недостаток достоверных данных о туристической привлекательности праздника в прочих регионах страны и других странах. Есть мнение, согласно которому этнотуристическая политика в ЯНАО и ХМАО является уникальной для территорий ЯНАО и ХМАО, в то время как её, а как следствие - праздника, развитие и существование остаётся неопределённым [3]. В данном случае можно с уверенностью признать наличие событийного маркетинга в отношении празднования Дня оленевода, ввиду устойчивости и экономической целесообразности проводимой властями ЯНАО и ХМАО туристической политики. По отношению к прочим, можно предположить, что имидж праздника в условиях недостаточных принимаемых мер в сфере туризма связана с исторической и культурной важностью Дня

оленевода для местных жителей, что делает мероприятие событийным, но оторванным от событийного маркетинга как способа извлечения прибыли благодаря туризму.

Список литературы:

1. Александрова А.Ю. Интеграция событийных мероприятий в продвижение туристских дестинаций на принципах ко-брендинга / А.Ю. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2015. – № 6. – С. 135-162.
2. Бутова Т.Г., Мутовин С.И., Судьин К.Н. Туризм как фактор устойчивого развития северных территорий / Т.Г. Бутова, С.И. Мутовин, К.Н. Судьин // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – №3. – С. 65-73.
3. Главан А.А. Этнолингвистическая экспедиция в Сургутский район ХМАО – Югры в марте 2017 г. / А.А. Главан // Вестник угроведения. – 2017. – №3(30). – С. 181-188.
4. Жидкова Н.Г., Тулаева С.А. Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации / Н.Г. Жидкова, С.А. Тулаева // Журнал исследований национальной политики. – 2020. – №3. – С. 429-444.
5. Келлер К.Л. Стратегический бренд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом. 2-е изд. Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005.
6. Кибенко В.А. Верификация стратегии развития сферы культуры города Салехарда / В.А. Кибенко // Урбанистика. – 2022. – №3. – С. 61-73.
7. Ларченко Л.В., Ахобадзе Д.Т. Туризм как фактор устойчивого развития регионов российского Севера: стратегия реализации (на примере ненецкого автономного округа) / Л.В. Ларченко, Д.Т. Ахобадзе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – №8. – С. 22-27.
8. Новикова Н.И. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков / Н.И. Новикова // Арктика: экология и экономика. – 2013. – № 11(3). – С. 102-111.
9. Силин А.Н., Кибенко В.А. Региональная идентичность населения арктической территории / А.Н. Силин, В.А. Кибенко // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – №4. – С. 91-95.
10. Степанова О.Б. Связь двух эпох: воплощение в празднике / О.Б. Степанова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 2(41). – С. 148-156.
11. Чемчиева А.П. Развитие индигенного туризма в России / А.П. Чемчиева // Вестник КемГУ. – 2015. – № 4-1(64). – С. 44-48.
12. Hobsbawm E., Ranger T. (1983) The Invention of Traditions. Cambridge: Cambridge University Press.

СЕКЦИЯ 2.

ПЕДАГОГИКА

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К ШКОЛЕ

Узденова Лаура Исмаиловна

*магистрант,
ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет,
РФ, г. Ставрополь*

Лобейко Юрий Александрович

*научный руководитель, д-р пед. наук, профессор,
ФГАОУ ВО Северо-Кавказский федеральный университет,
РФ, г. Ставрополь*

Первые годы обучения школьников носят фундаментальный характер для дальнейшего развития в учебной деятельности, наравне с тем сопровождаются со сложностями связанными с отсутствием позитивного общения у детей с педагогами и сверстниками. Именно по этой причине психолого-педагогическое сопровождение адаптации школьников в данный период имеет особое значение. Проблема адаптации школьников в настоящее время является весьма актуальной, поскольку неготовность большинства первоклассников, перешедших от домашней обстановки или обстановки дошкольного учреждения к учебному процессу выражается в ухудшении психологического здоровья обучающихся. Недостаточная подготовка ребенка к новым требованиям образовательной организации может вызвать у него негативное отношение к окружающей среде, вследствие чего возникает состояние стресса, постоянной тревоги, снижение мотивации и активности. В результате этого существует необходимость более углубленного изучения данной проблематики, заключающейся в росте нервно-психических заболеваний и эмоциональной нестабильности. Длительное пребывание в состоянии напряжения и стресса способствует нарушению психологических и физических функций, а также приводит к психологическим расстройствам.

Школьная адаптация, будучи активным процессом перестройки функциональных систем организма, является отличным условием для психологического развития школьника.

Механизмы, приобретённые в процессе школьной адаптации, с успехом могут применяться в аналогичных ситуациях, в качестве приобретенного опыта, становясь инструментом на пути становления личности.

В отечественной психологической литературе понятие адаптации традиционно рассматривается как приспособление субъекта к изменившимся внешним условиям, а не как часть противоречивого и динамичного процесса взаимодействия субъекта со средой, в том числе социальной, а также проявляющей свойства активности, адаптивности, вариативности (К.К. Платонов; В.М. Полонский; В.П. Зинченко; Б.Г. Мещеряков) [1].

Н.М. Голубева, Р.В. Танкова-Ямпольская считают, что ребенок социально адаптируется, посредством приобретения личного опыта, во время получения обучения и воспитания. Как правило, данный процесс имеет свое начало в семейном социуме.

В отечественной психолого-педагогической литературе адаптацию понимают, как сложный, многофакторный процесс включения человека в новые условия жизнедеятельности, новую систему требований и контроль, в новый коллектив. Адаптация школьников – приспособление к окружающему миру, к окружающим людям и, наоборот, окружающего мира и людей к ним, то есть, это двусторонний процесс [2;3;4;5]. Как мы видим, это – взаимосвязанный процесс, при недостаточной деятельности хоть одной из сторон, приводящий к затруднению и замедлению адаптации ребенка, что может привести к отторжению им нового незнакомого для него социума.

Кардинальная перестройка жизни ребёнка, по причине поступления в школу, естественно, не может не сказываться на эмоциональной сфере ещё не полностью сложившейся личности, что значительно затрудняет его адаптацию к новым условиям жизни [5].

Необходимо учитывать то, что люди, окружающие ребёнка зачастую сами не в полной мере подготовлены и ориентированы, не осознают до конца сложность процесса перестройки обучающегося. Отсюда можно сделать вывод, что поиск средств и способов, облегчающих внедрение в школьную жизнь детей с несхожим уровнем подготовки и разнообразной совокупностью личностных качеств, становится самостоятельной задачей всех участников данного процесса.

Необходимо отметить, что дошкольный склад жизни ребёнка (от 0 до 7 лет) существенно отличается от времени, когда он начинает посещать образовательное учреждение. Абсолютно иной распорядок дня, появление нового режима, новые правила, а также изменение в поведении со стороны взрослых, выбивают ребёнка из привычного состояния. Поскольку дети разные и воспринимают они на первый взгляд одинаковую ситуацию по-разному. Что легко и спокойно проживают одни дети, могут воспринимать тяжело другие. По общему наблюдению, период школьной адаптации у первоклассников проходит от одного месяца до одного года. При совпадении личных способностей первоклассника и внешних требований образовательной организации, ему будет легче включиться в учебный процесс. Благоприятные условия служат индикатором социально-психологического аспекта адаптации обучающегося и создают возможность дальнейшего развития.

На ваш взгляд, адаптация у детей, пребывающих до школьного периода в детском саду, проходит мягче и быстрее, поскольку уже произошёл процесс социализации, чего не скажешь о детях, приученных только к семейным правилам и порядку. Также следует отметить, что большая ответственность в период адаптации первоклассников к школе лежит на педагоге, который в свою очередь, должен применять свои профессиональные способности для построения эффективного учебного распорядка, создания здоровой творческой обстановки, способствовать поддержанию устойчивого эмоционального состояния, что служит профилактикой психологических заболеваний. Наиболее успешным

механизмом в процессе адаптации первоклассников является совокупность действий со стороны родителей, педагогов, и соответственно самих учащихся.

Основными видами адаптации являются организационная, учебно-мотивационная, психологическая и социальная. Для определения уровня адаптации и оценки её протекания Д.Ю. Соловьевой были предложены следующие критерии: принятие новой социальной роли, учебная мотивация, эмоциональное состояние ребёнка в школе.

В данный период у детей перестраивается образ жизни, игровая деятельность сменяется на учебную деятельность. Параллельно с началом учебного процесса ребенок проживает «кризис 7 лет», меняется социальный статус из дошкольника в школьника, происходит переоценка ценностей и начало интеллектуального развития.

С первых дней учебной деятельности необходимо вызвать у ребёнка заинтересованность в содержании знаний. Социальные мотивы могут влиять на формирование мотивации. Если ребёнок будет равняться на своих успешных одноклассников, начнет интересоваться получением новых знаний. Отсюда, очень важно общение школьника со сверстниками. Так, Г.А. Цукерман считает, что дети усваивают материал лучше со сверстниками, нежели чем в совместной работе с педагогом или самостоятельно.

Таким образом, оказание помощи и поддержки первокласснику в самом начале его пути к учебной деятельности позволяют создавать дополнительные условия для преодоления отрицательных факторов в процессе адаптации. Роль педагога состоит в создании необходимых условий для успешной адаптации первоклассника к школьному процессу, который заложит основу полноценного развития обучающегося. Эффективная работа по повышению мотивации ученика и профилактическая работа, направленная на снижение уровня тревожности позволит смягчить и ускорить процесс освоения первоклассником нового вида деятельности.

Список литературы:

1. Большой психологический словарь. Под редакцией Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. Москва, 1996.
2. Социальная адаптация детей в дошкольных учреждениях. Под редакцией Р.В. Танкова-Ямпольская. Москва, 1980.
3. Костяк Т.В. Психологическая адаптация к школе. Москва: «Академия», 2008.
4. Гасанова К.Б., Магомедханова У.Ш. Влияние психологической готовности к обучению на адаптацию первоклассников к школе. Махачкала, 2015.
5. Магомедханова У.Ш. Адаптация ребенка к школе при смене социально-психологической ситуации развития. Москва, 2016.

СЕКЦИЯ 3. ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ В ПРОЯВЛЕНИИ ЭМПАТИИ У СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГОВ

Адилова Лора Темирболатовна

*бакалавр,
университет Туран,
Казахстан, г. Алматы*

Дуплякин Евгений Борисович

*научный руководитель, канд. психол. наук,
профессор кафедры «Психология» университета Туран,
академик МАИИ, Казахстан, г. Алматы*

FEATURES IN THE MANIFESTATION OF EMPATHY AMONG PSYCHOLOGY STUDENTS

Lora Adilova

*Bachelor's degree,
University of Turan,
Kazakhstan, Almaty*

Evgeny Duplyakin

*Scientific supervisor
Candidate of Psychological Sciences,
Professor of the Department of Psychology,
Turan University, Academician of MAIN,
Kazakhstan, Almaty*

Аннотация. Статья рассматривает особенности проявления эмпатии у студентов психологов в контексте их профессиональной деятельности. Авторы исследовали уровень эмпатии у студентов психологических факультетов и выявили различия в проявлении эмпатических способностей у разных групп студентов. В статье описываются результаты исследования, проведенного с использованием различных методик, измеряющих уровень эмпатии у студентов психологических специальностей. Также в статье рассматриваются факторы,

влияющие на уровень эмпатии у студентов психологов, включая личностные особенности, опыт работы и обучения.

Abstract. The article examines the features of the manifestation of empathy among psychology students in the context of their professional activities. The authors investigated the level of empathy among students of psychological faculties and revealed differences in the manifestation of empathic abilities in different groups of students. The article describes the results of a study conducted using various techniques that measure the level of empathy among students of psychological specialties. The article also discusses factors affecting the level of empathy among psychology students, including personality traits, work and training experience.

Ключевые слова: эмпатия, студенты, психология, профессиональная деятельность, личностные особенности, опыт работы, эмпатические навыки.

Keywords: empathy, students, psychology, professional activity, personal characteristics, work experience, empathic skills.

Эмпатия - это способность человека постигать и понимать чувства, эмоции, мысли и переживания других людей. Она позволяет воспринимать и чувствовать мир через глаза и сердце другого человека, проникаться его проблемами и радостями и реагировать на них соответствующим образом. Эмпатия является важной составляющей межличностного взаимодействия и эффективной коммуникации, а также может быть полезна в профессиональной деятельности, особенно в области психологии и медицины [1].

Студенты психологических специальностей имеют особые особенности в проявлении эмпатии в связи с их профессиональной деятельностью. Они часто обладают более высоким уровнем эмпатии, чем люди в других профессиональных областях, благодаря тому, что профессиональная деятельность психологов требует постоянного взаимодействия с людьми и понимания их проблем.

Однако, в зависимости от направления специализации, у студентов могут быть различия в проявлении эмпатии. Например, студенты клинической

психологии имеют более высокий уровень эмпатии, чем студенты, изучающие другие направления психологии, такие как организационная или экспериментальная психология. Это может быть связано с тем, что клиническая психология в большей степени фокусируется на работе с людьми и их проблемами, что требует от специалиста высокого уровня эмпатии.

Также важно отметить, что уровень эмпатии у студентов может быть повышен в результате обучения и опыта работы. Например, стажировки и практика могут помочь студентам развивать эмпатические навыки и приобретать опыт работы с людьми, что в свою очередь может улучшить их проявление эмпатии в профессиональной деятельности.

Цель исследования – выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить процесс развития эмпатии у студентов психологов.

Исследование проводилось на базе студентов факультета Университета Туран и КазНУ. Всего в экспериментальной деятельности приняли участие 60 студентов психологического и химического факультетов.

Первый этап констатирующего эксперимента проводился с целью выявить эмпатические способности студентов. По его результатам, было выявлено, что у студентов психологов выражена способность понимать, чувствовать эмоции других людей. Интерпретация результатов происходила по показателям, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Уровни выраженности способности личности к эмпатии

Уровень	Количество баллов
Высокий	30-36
Средний	29-22
Заниженный	21-15
Очень низкий	14 и меньше

Выявлено, что у студентов психологов, наиболее ярко выраженными параметрами эмпатических способностей является идентификация в эмпатии и проникающая способность в эмпатии.

Наименьшее развитие способностей к проявлению эмпатии у студентов - психологов обнаружены по каналам интуитивный канал и рациональный канал эмпатии (Рисунок 1).

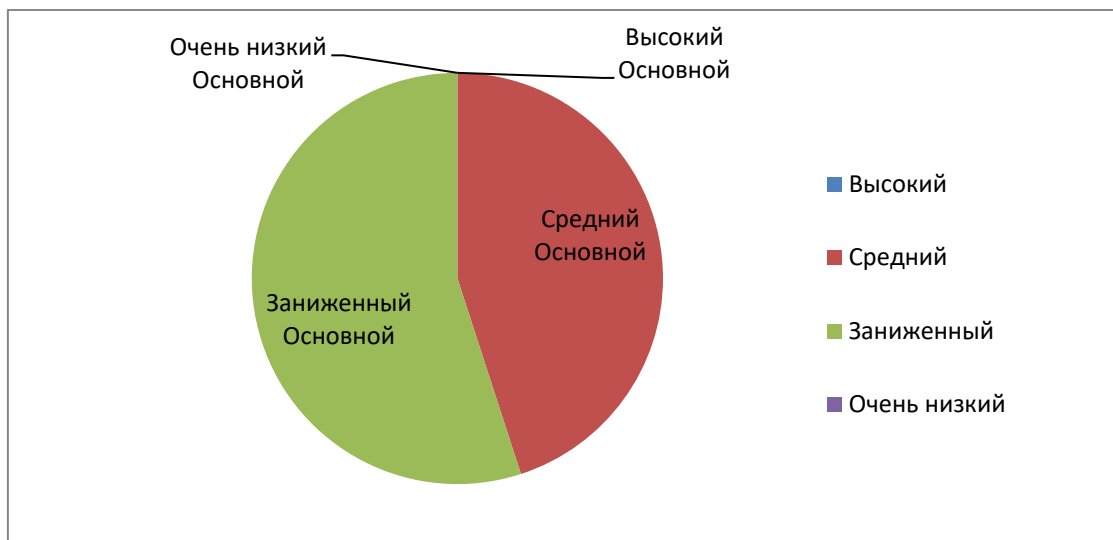

Рисунок 1. Уровни эмпатии студентов психологов

В отношении степени выраженности поликоммуникативной эмпатии были получены следующие результаты. Наиболее выразительно у студентов развито эмпатическое отношение к героям художественных произведений (7,24) и к детям (7,1 баллов из возможных 15). Наименьшее проявление эмпатии испытуемые демонстрируют по отношению к животным (6,1).

Это связано с тем, что студенты психологи имеют больше опыта взаимодействия с людьми, чем с животными. Как следствие, большая эмпатия развивается к людям и детям, потому что они лучше понимают их потребности и эмоции.

Высокий уровень и очень низкий ни у одного исследуемого не диагностирован.

В ходе проведения эксперимента, было предположено, что уровень эмпатии может различаться у студентов разных специальностей. Для этого мы провели исследование в группе студентов химиков на уровень их профессиональной идентичности. Эмпатия важна для формирования профессиональной

идентичности. Когда мы понимаем и чувствуем эмоции других людей, мы можем начать лучше понимать свои собственные ценности и мотивации. Это может помочь нам определить, какую роль мы хотим играть в профессиональной жизни и как мы можем использовать наши навыки и опыт для достижения своих целей. Исследования профессиональной идентичности студентов химических специальностей происходило по методике Шнейдер Л.Б [2]. Результаты представлены на рисунке 2.

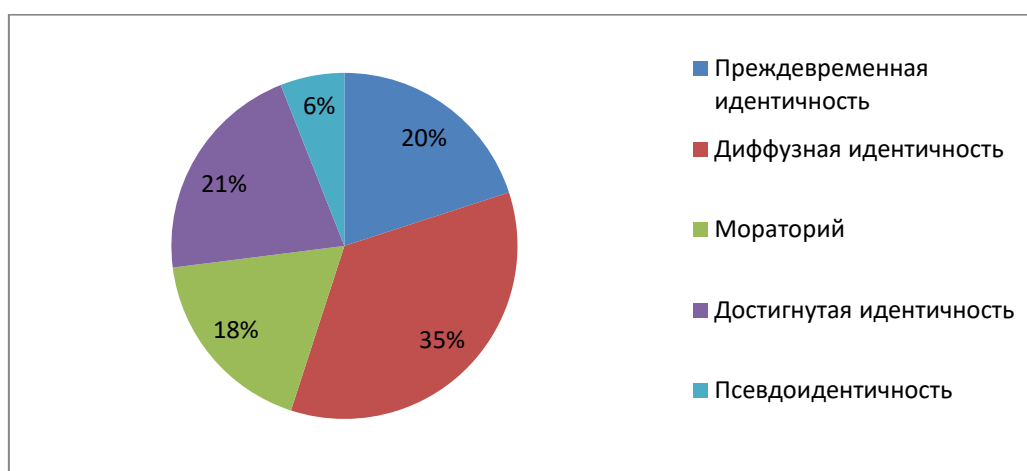

Рисунок 2. Уровни профессиональной идентичности студентов химиков

Студенты психологи будущие специалисты в области психологической помощи и заботы о психическом здоровье людей, что также может способствовать развитию у них более высокого уровня эмпатии, чем у студентов химических специальностей.

Полученные результаты исследования, позволяют сделать следующие выводы:

1. Студентам психологам полезно развивать эмпатию, поскольку это поможет им лучше понимать своих будущих клиентов и более эффективно работать с ними.

2. Диагностика уровня эмпатии на начальных курсах у студентов психологов позволит вовремя провести коррекцию данного чувства.

3. Развивать эмпатию у студентов психологов можно через:

- Участие в ролевых играх: Ролевые игры могут помочь студентам лучше понимать, какие эмоции и потребности могут испытывать люди в разных ситуациях, и попрактиковаться в выражении эмпатии;

- Практика активного слушания: Студентам следует уделить внимание тому, что говорят их собеседники, попробовать понять их эмоции и потребности и задавать уточняющие вопросы;

- Изучение литературы: Чтение книг и статей о психологии, эмоциях и социальной психологии может помочь студентам лучше понять, как работает эмпатия, и как она может быть использована в психологической практике.

- Практика самоанализа: Студентам следует попытаться анализировать свои собственные эмоции и потребности, чтобы лучше понимать, как они могут влиять на их восприятие и понимание других людей [3, с. 59].

Помимо этого, эмпатия также играет важную роль в межличностных отношениях и общении с окружающими людьми. Развитие эмпатии позволяет студентам психологам стать более эффективными и понимающими специалистами, а также более толерантными и уважительными к другим людям.

Кроме того, исследования показывают, что эмпатия может быть эффективным инструментом для улучшения межличностных отношений, улучшения настроения и снижения стресса. Поэтому развитие эмпатии является важным аспектом для студентов психологов, чтобы они могли успешно работать в области психологии и достигать лучших результатов в своей профессии.

Список литературы:

1. Никишов, С.Н. Психологические особенности эмпатии у студентов / С.Н. Никишов, И.С. Осипова [Электронный ресурс] // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Режим доступа:<https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-empatii-u-studentov>
2. Л.Б. Шнейдер. Методика исследования профессиональной идентичности, 2007.
3. Эберштейн, Д. Сила эмпатии. Ключ к конструктивному общению и успешным переговорам / Д. Эберштейн. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 288 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ СТАЖА РАБОТЫ

Иванченко Валентина Николаевна

*магистрант,
Омская Гуманитарная академия,
РФ, г. Омск*

Аннотация. В данной статье будут рассматриваться особенности эмоционального выгорания педагогов в зависимости от того, как долго они проработали в учебном заведении и насколько степень выгорания зависит от стажа работы педагога.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, педагоги, стаж работы.

Существует множество различных исследований, посвящённых педагогической деятельностью и всему, что с ней связано. В одном из таких исследований Митина Л.М. пришла к выводу, что профессия педагога является одной из самых эмоционально напряжённых, люди этой профессии подвержены не только сильному влиянию стресса, но также и эмоциональному выгоранию [1]. Причины данного явления достаточно разнообразны, в этот список входят: профессиональные требования к педагогу, особенности педагогической деятельности, требования к системе образования, специфика протекания работы и другие [2].

Профессия педагога предполагает необходимость постоянного взаимодействия и активного общения с человеком, что, ввиду индивидуальных характеристик и особенностей каждого человека, может выливаться в негативную профессиогенность [2]. Всё это становится фактором развития у педагога эмоционального выгорания, которая влияет не только на физическое, но также на психическое и умственное состояние человека.

Исследование Шабановой К.В., посвящённое анализу эмоционального выгорания у педагогов-профессионалов и у будущих педагогов, ныне являющиеся

студентами педагогического вуза, направлено на выявление взаимосвязи между стажем работы и уровнем эмоционального выгорания. Результаты показали, что 40% учителей имеют низкий уровень эмоционального выгорания, 47% – средний уровень и 13% – высокий. В то время как у студентов педагогического отделения были следующие результаты: 53% – низкий уровень, 47% – средний и 0% – высокий [3].

Таким образом, она пришла к выводу, что в большей степени синдрому эмоционального выгорания подвержены педагоги-профессионалы, ввиду их стажа работы, однако у будущих педагогов уже наблюдаются предпосылки развития данной проблемы. Так как эмоциональное выгорание способно препятствовать успешному развитию в их профессиональной деятельности у будущих педагогов, а также негативно повлияет на их мотивацию, необходимо проводить психологическую работу и с педагогами-профессионалами, и со студентами будущими педагогами по устранению и профилактике эмоционального выгорания [3].

Мальцева Н.В. выявила взаимосвязь между стажем работы педагога и его уровнем эмоционального выгорания. Было выявлено, что у педагогов со стажем работы от 3 лет синдром эмоционального выгорания развит на низком уровне, однако, чем выше стаж у педагога, тем больше признаков эмоционального выгорания он проявляет. Так, например, при стаже работы от 3 до 10 лет степень истощения постепенно нарастает, из-за чего педагоги чувствуют себя «загнанными в клетку», это может свидетельствовать уже о среднем уровне эмоционального выгорания [4].

У педагогов же со стажем работы в 10-20 лет степень СЭВ (синдром эмоционального выгорания) повышается до высокого, ввиду которого им свойственны переживания, психотравмы, низкая самооценка и другие симптомы, вызванные абсолютной поглощённостью своей профессией.

Однако, когда отметка стажа превышает 20 лет, выраженность эмоционального выгорания значительно уменьшается [4]. Причиной тому может быть то, что со временем они выработали для стратегии и механизмы для борьбы с истощением, благодаря которым они не только стабилизировали своё

эмоциональное и психологическое состояние, но также стали профессионалами в своей деятельности.

Подобную тенденцию можно объяснить тем, что у педагогов со стажем работы более 20 лет наблюдаются достаточно высокие показатели по аспекту осмысленности жизни, которая является одним из главных факторов для преодоления синдрома эмоционального выгорания [5]. Отсюда можно сделать вывод, что степень эмоционального выгорания напрямую зависит от того, насколько осмысленной человек считает свою жизнь. И чем выше уровень СЭВ, тем меньше осмысленности. Однако, как только отметка стажа работы достигает 20 лет, высокий уровень СЭВ идёт в обратную сторону. То есть личность, которая наиболее уверена в смысле своей жизни и обладает определённым стержнем, становится менее восприимчивой к эмоциональному выгоранию, поскольку эта осмысленность мотивирует и даёт ресурсы справиться с истощением.

Шарай Т.П. в своём эмпирическом исследовании пришла к выводу, что у педагогов со стажем работы менее 10 лет эмоциональное выгорание находится на стадии формирования, что свидетельствует об отсутствии симптомов. Однако, чтобы не допустить дальнейшего развития СЭВ, необходимо направить усилия на формирование позитивного самоотношения и увеличение своей ценности как педагога, поскольку высокая самооценка препятствует самообвинению и развитию выгорания. Педагогам со стажем более 10 лет характерны депрессия, повышенная тревога и переживание психотравмирующих обстоятельств, которые деформируют их личность, в следствие чего развивается выгорание [6].

Профессиональный стаж стоит наряду с другими факторами, вызывающими синдром эмоционального выгорания, как, например, личностные качества педагога (низкая самооценка, интроверсия, трудоголизм и т.д.), переработки, низкий социальный статус, конфликты, личная неудовлетворённость, отсутствие административной поддержки и другие.

В зависимости от стажа работы у педагогов также могут быть разные причины возникновения эмоционального выгорания. Например, для педагогов со стажем работы до 5 лет характерны такие причины, как несоответствие ожиданий.

Многие молодые педагоги, обладающие ранее высокой уверенностью в своих знаниях и навыках, часто сталкиваются с реальными сложностями педагогической деятельности, которые зачастую выбивают их из колеи. В случае педагогов со стажем 10-15 лет причинами могут являться такие вещи, как кризис возраста, семейные проблемы, нагрузки на работе, неудовлетворённая самоактуализация. А педагогам со стажем более 20 лет характерны переоценка ценностей и кризис идентичности [2].

Таким образом можно сделать вывод, что степень эмоционального выгорания педагогов действительно зависит от их стажа работы. Чем дольше педагог работает, тем меньше остаётся у него сил и энергии, которые приводят к сильному физическому, эмоциональному и умственному истощению всего организма. Психический дискомфорт, отсутствие желание продолжать свою педагогическую деятельность, переоценка собственных ценностей, неудовлетворённость своей профессией, отсутствие перспектив и дальнейшего смысла в карьере, отсутствие смысла жизни – всё это неизбежные последствия, с которыми сталкивается педагог с эмоциональным выгоранием.

При стаже работы до 20 лет степень выгорания будет с каждым годом лишь усиливаться, однако, когда граница педагогического стажа превышает 20 лет, время, посвящённое работе, не усугубляет, а, наоборот, уменьшает степень развития синдрома эмоционального выгорания. По этой причине необходимо скорректировать психологическую работу, направленную на профилактику СЭВ для педагогов со стажем менее 20 лет. В случае высокого уровня выгорания им необходимо обратиться за психотерапевтической поддержкой к специалистам в данной области.

Список литературы:

1. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя: учебное пособие / Л.М. Митина. – М.: Академия, 2004. – 319 с.

2. Измайлова Г.Н. Особенности эмоционального выгорания педагогов с различным стажем работы // Саморазвитие в педагогике и психологии. Сборник статей Международной научно-практической конференции 30 октября 2017 г. – 2017. – С. 96-100.
3. Шабанова К.В. Сравнительный анализ показателей эмоционального выгорания у будущих педагогов и педагогов-профессионалов / К.В. Шабанова // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – С. 117-118.
4. Мальцева Н.В. Проявления синдрома психического выгорания в процессе профессионализации учителя в зависимости от возраста и стажа работы: дисс. ... к. псих. н. / Н.В. Мальцева. – Екатеринбург, 2005. – 212 с.
5. Бабич, О.И. Личностные ресурсы преодоления синдрома профессионального выгорания педагогов / О.И, Бабич, Т.А. Терехова // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 31.
6. Шарай Т.П. Особенности эмоционального выгорания педагогов ДОУ в зависимости от стажа работы // Развитие профессиональных компетенций учителя: основные проблемы и ценности. – 2019. – С. 326-332.

СЕКЦИЯ 4. ФИЛОЛОГИЯ

СПЕЦИФИКА ЛАКУНИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Филатов Сергей Витальевич

*магистрант,
Новосибирский государственный университет,
РФ, г. Новосибирск*

Дурова Мария Владимировна

*научный руководитель, канд. филол. наук,
Новосибирский государственный университет,
РФ, г. Новосибирск*

Аннотация. В данной статье рассматривается труднопереводимый пласт лексики японского языка. Для японского языка выделяется большое количество культурологических и этнографических лакун, которые чаще всего при переводе устраняются с помощью метода компенсации. Также рассматривается иероглифическая письменная система японского языка и её идеографический характер, способствующие образованию лакун при переводе.

Ключевые слова: лакуны, культурологические лакуны, этнографические лакуны перевод, японский язык, лакунарность.

Постановка проблемы. Люди в современном мире часто попадают в ситуацию межкультурного общения. В таких ситуациях очевидным становятся различия в картинах мира носителей разных культур. Следствием этих различий зачастую становится неполное понимание коммуникантами друг друга или же вовсе коммуникативная неудача. Основной причиной недопонимания в межкультурной коммуникации являются специфические элементы культуры, имеющие отражение в языке только одного из коммуникантов. Такие элементы,

представляющие известную сложность, обозначаются в лингвистике термином «лакуна».

Количество лакун, возникающих в межъязыковом контакте, напрямую зависит от степени родства взаимодействующих культур и языков или же отсутствия родства как такового. Если взять в качестве примера разговор русского и белоруса или американца и канадца, то вряд ли в процессе их общения возникнет недопонимание. С другой стороны, если коммуникация происходит между носителями неродственных культур и языков, например, между русским и японцем, то неизбежно будут возникать сложности с интерпретацией культурных реалий. Японская культура содержит в себе множество специфических и малоизученных элементов, что находит свое отражение в большом количестве столь же специфических японских лексем. Стоит также отметить, что лакуны могут быть представлены не только единицами лексического уровня языка, но также и других уровней [1, с. 23].

Б.В. Дашидоржиева выделяет 3 этапа становления лакунологии. На **первом этапе**, в 50-ых годах XX века, началось целенаправленное изучение лакун, и прежде всего оно связано с именами советских лингвистов Сорокина и Марковиной. Они разработали теорию лакун, основной идеей которой является наличие в каждой культуре уникальных реалий, которые известны всем её носителям, однако не всегда находят параллели в других культурах. **Второй этап** (конец XX в. – начало XXI в.) характеризуется попытками теоретического осмысления и концептуализации понятия лакуна, экспериментальными исследованиями в рамках компаративной лингвистики. В числе исследователей, внесших значимый вклад на этом этапе, можно назвать В.Л. Муравьева, Г.А. Антипова, О.А. Донских, Ю.С. Степанова, В.Г. Гака, В.И. Жельвиса и др. **Третий этап** (начало XXI в. – настоящее время) ознаменовался созданием отдельных самостоятельных теорий лакун, разработкой теоретической базы лакунологии. Появляются попытки изучения лакун в контексте этнопсихолингвистики, культурологии, социальной психологии. Выдающиеся исследователи данного этапа – И.А. Стернин, Г.В. Быкова, Г. Ейгер, И. Панасюк и др. [2, с 173-178].

Методология. Методологическую базу исследования составили специально-научные методы лингвистики: метод сопоставления текстов оригинала и перевода, методы контекстуального, интерпретационного и сравнительного анализа, метод лингвокультурологического анализа, метод контент-анализа.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей лакун в японском языке на примере произведения Харуки Мураками «Норвежский лес».

Понятие лакуны. В научной среде до сих пор нет единого мнения насчет того, что именно можно считать лакуной. Исследователи по-разному определяют границы термина: чаще всего в эти границы включаются отдельные лексемы, и лишь в некоторых случаях – грамматические, синтаксические и фонетические элементы. Французские лингвисты Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, которые впервые в 1958 г. ввели термин лакуна в научный оборот, определяли его как «явление, которое имеет место тогда, когда у слова одного языка отсутствует соответствие в другом»: [3, с 215]. В данном определении задействована лексема «слово», которая ограничивает лакунизированные единицы лексическим уровнем языка.

В свою очередь И.А. Стернин и Г.В. Быкова разграничивают внутриязыковые и межъязыковые лакуны, определяя первые как «отсутствие слова в языке, выявляемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы», а вторые как «отсутствие лексической единицы в одном из языков при ее наличии в другом» [4, с. 158]. Данное определение все еще ограничивается лексическим уровнем языка, но также затрагивает и внутриязыковые несоответствия. Ярким примером последних в случае русского языка являются неполные парадигмы некоторых слов, например, «пробелы» в словоизменительной парадигме некоторых прилагательных (едкий – «едче», терпкий – «терпче» и т.д.). К этой же категории относится просторечный глагол «ложить», употребление которого называется неверным ввиду невозможности употребления корня -лож- без приставки.

И.Ю. Марковина предлагает следующее определение термина лакуна: «пробелы, белые пятна на семантической карте языка, текста или культуры в

целом, незаметные изнутри, при рассмотрении одного языка текста или культуры, но выявляющиеся при их сопоставлении». Автор расширяет границы понятия, не останавливаясь на сопоставлении двух лексем, но затрагивая семантику в целом, приводя в пример различия в родовой категории существительных, а также особенности восприятия общенациональных концептов [5, с. 59].

Виды лакун. Существует множество различных классификаций лакун, исследователи в том или ином виде предлагали собственное видение их распределения по определенным категориям. Так, И.Ю. Марковина делит лакуны на **лингвистические** (далее делятся на языковые и речевые) и **культурологические** (далее делятся на субъектные, деятельностно-коммуникативные и лакуны культурного пространства) [4, с. 59]. И. А. Стернин и З.Д. Попова делят лакуны в зависимости от соотношения слова и концепта на **лексические, семантические и когнитивные** [6, с. 61].

По нашему мнению, для японского языка подходит классификация, предложенная Э.А. Николаевой [7, с. 1], которая подразделяет лакуны на следующие категории:

1. Лингвистические: являются следствием отсутствия прямого эквивалента для лексемы или словосочетания в других языках. Например, слово 生き甲斐 *икигай* можно приблизительно перевести как ‘смысл жизни’, однако этот перевод не даст представления о содержании понятия. Смысл жизни в западной культуре является открытым философским вопросом, однако японцам редко приходится думать, в чем же он заключается, поскольку для них смысл жизни заключается в занятии тем делом, которое получается лучше всего и приносит больше всего материальных и духовных благ. Другим примером лингвистической лакуны может послужить слово 温泉 *онсэн*, переводимое как ‘горячий источник’, что также не отражает смысла исходной лексемы: под *онсэном* понимается не только сам источник, но и сопутствующая ему туристическая инфраструктура.

2. Этнографические: отражают различия в картинах мира носителей двух разных языков. Николаева приводит в пример русское слово «валенки», отмечая, что данный предмет обуви характерен для носителей русской культуры и

полностью отсутствует, например, во французском языке. В случае с японским языком примером уникального явления может служить слово 下駄 *гэ́та*, которым называется традиционные японские деревянные сандалии.

3. Историко-этнографические: являются одним из видов этнографических лакун и обозначают предметы и явления, которые существовали в определенную эпоху в той или иной культуре, но исчезли из современного обихода и стали со временем архаизмами, как, например, слово «управдом». В японских реалиях примером данного типа лакун может служить слово 將軍 *сё:гун*, являющееся сокращением более пространного термина 征夷大將軍 *сэйи тайсё:гун* ‘главнокомандующий армии против варваров *эмиси*¹’. Слово сёгун можно в некоторых контекстах заменить терминами «главнокомандующий» или «генералиссимус», однако такой перевод не отражает политический вес и авторитет, которым обладали японские военные правители.

4. ИмPLICITные: имеют устоявшийся перевод на другие языки, но изначальный смысл понятия отличается от того, которым обладают выражения, считающиеся аналогами в других языках. Отличным примером в данном случае может служить широко известное слово 侍 *самурай*. В представлении обывателя, не слишком знакомого с японской культурой и историей, самурай представляется суровым воином, рыцарем, постоянно практикующим боевые искусства и повинующимся кодексу Бусидо. Однако в действительности слово «самурай» происходит от архаичного глагола 侍ふ *сабурау* ‘служить, прислуживать’, что приводит нас к определению самурая как представителя военного сословия, который мог состоять на услужении, но не являться при этом искусным воином.

5. Стилистические: представляющие собой частные случаи употребления определенного слова в определенном контексте с конкретной стилистической окраской, как например *invisible* (англ.) – ‘невидимый’ и ‘незримый’;

¹ Словами *эмиси*, *эбису*, *эдзо*, ставшими впоследствии синонимами понятий «дикарь», «варвар», обозначались в Японии все вообще жители страны, иноплеменные тем, которые, утвердившись в западно-центральной части ее, распространяли свое владычество постепенно на всю страну [8].

le bleu (фр.) – ‘синева’ и ‘синь’; *écouter* (фр.) – ‘слушать’ и ‘внимать’. Примером в японском языке могут служить личные местоимения, которые отражают не только лицо, но и также зачастую его пол, социальный статус, возраст и т.д. Например, на одно русское местоимение «я» в японском приходится множество различных местоимений: 私 *ватаси/ватакуси* (нейтрально-вежливое, часто женское), 僕 *боку* (нейтрально-вежливое мужское), 俺 *орэ* (горделивое мужское), 我 *варэ* (историзм с патетическим оттенком), 自分 *дзибун* (военное), うち *ути* (нейтральное, более характерное для женщин-носителей кансайского диалекта) и другие.

6. *Allusion prestigieuse* (фр. «престижные аллюзии/намеки») или *implicites culturels* (фр. «латентное/скрытое в культуре»): данный вид лакун представляет собой обширный пласт уникальных культурных реалий, передача которых на другой язык как минимум проблематична, а в некоторых случаях вовсе невозможна. Николаева приводит в пример для русского языка такие выражения, как «Илья Муромец», «Соловей–разбойник», «1 мая», «1 сентября», каждое из которых апеллирует к совершенно конкретным и понятным для каждого носителя явлениям [7]. Для русского языка также можно выделить, например, широко распространенное среди рожденных в Советском союзе людей предубеждение, что показ по телевизору балета «Лебединое озеро» означает острый кризис политического режима. Соответственно, само название этого балета может выступать в контексте как подобная аллюзия. Среди многих уникальных японских реалий в качестве подобного примера можно выделить традицию в новогоднюю ночь бить в колокол в буддистских храмах ровно 108 раз с целью отогнать все обременяющие человека заботы (коих по буддийским верованиям насчитывается ровно 108). Эта традиция получила у японцев название 除夜の鐘 *дзёя-но канэ* ‘колокол, разгоняющий ночь’, и любое упоминание этого колокола или 108 ударов ассоциируется у японцев с кануном Нового года.

Способы устранения лакун. Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина выделяют [9, с. 11] два основных способа устранения лакун – **заполнение** и **компенсация**.

Заполнение подразумевает зачастую довольно подробное разъяснение смысла лексического элемента, который вызывает затруднения при переводе. Это может быть авторский комментарий прямо в тексте, комментарий-сноска или же создание после текста глоссария труднопереводимых терминов. Рассмотрим пример заполнения в переводе романа «Норвежский лес» Харуки Мураками²:

「すき焼き」と彼女は言った。「だって私、鍋ものなんて何年も何年も食べてないんだもの。すき焼きなんて夢にまで見ちゃったわよ。肉とネギと糸こんにゃくと焼豆腐と春菊が入って、ぐつぐつと—」 *Сукияки то канодзё-ва итта. Даттэ ватаси, набэмоно нантэ наннэн мо наннэн мо табэтэнай н да моно. Сукияки нантэ юмэ-ни мадэ митятта ва ё. Нику то нэги то итоконньяку то якидо:фу то сунгику-га хайттэ, гутсугутсу то...*

«Сукияки [60], - ответила она. - Я столько лет не ела ничего, вроде **набэ** [61]. А сукияки даже видела во сне. Кастрюля - а в ней мясо и лук, **конняку** [62] и обжаренный тофу, хризантема, и все это кипит, ки...»

В этом примере каждое труднопереводимое слово помечено автором соответствующей цифрой, а после текста романа идет список примечаний с пояснением лакун.

Компенсация является заменой неизвестного термина на знакомый реципиенту с риском потери изначального смысла и культурного колорита. Рассмотрим пример компенсации в переводе «Норвежского леса»:

「き、君は何を専攻するの？」と彼は訊ねた。

「演劇」と僕は答えた。

「演劇って芝居やるの？」

「いや、そういうんじゃないくてね。戯曲を読んだりしてさ、研究するわけさ。ラシーヌとかイヨネスコとか、シェークスピアとかね」

² Здесь и далее для примеров из романа «Норвежский лес» приводится перевод Андрея Замилова.

Ки, кими-ва нани-о сэнко: суру но? то карэ-ва тадзунэта.

Энгэки то боку-ва катаэта.

Энгэки ттэ сибай яру но?

Ия, со: ю: н дзя накутэ нэ. Гикёку-о ёндари ситэ са. Кэнкю: суру вакэ са.

Раси: ну тока иёнэсуко тока, щэ: кусуниа тока нэ.

« - А тво-твоя специализация? - спросил сосед.

- Театральное искусство.

- В смысле, в **спектаклях** играть?

- Нет, не это. Читать и изучать **драму**. Там... Расин, Ионеско, Шекспир...»

В этом примере слово *сибай* (японское театральное искусство) и слово *гикёку* (китайская традиционная драма) заменены в переводе на более понятные русскому читателю слова “спектакль” и “драма”.

В случае перевода художественного произведения с японского языка на русский компенсация представляется наиболее эффективным способом устранения лакун, в особенности это касается более старых произведений, написанных до языковой реформы 1945 г. Несведущему в традиционной японской культуре читателю будет сложно воспринимать текст, пестрящий непонятными терминами, так что гораздо эффективнее будет провести аналогии с привычными понятиями и почти не потерять изначального смысла.

С другой стороны, в случаях, когда необходим перевод, наиболее точно отражающий культурные реалии, очевидно преимущество заполнения – с тем или иным видом пояснения лакунизированных единиц. В качестве примера можно привести слово 漫画 *манга*, означающее японские комиксы и получившее большую популярность в последнее время за счет распространения японской культуры. В то время как увлекающиеся японской культурой не нуждаются в дополнительных разъяснениях смысла термина *манга*, менее осведомленному человеку будет понятнее слово «комиксы».

Идеографические лакуны. Главным отличием японского языка от русского и других индоевропейских языков является принципиально иная система письменности. Иероглифическое письмо определенным образом формирует

мышление японцев и позволяет им выражать мысли таким образом, который показался бы странным или вовсе невозможным носителю русского и других европейских языков. Это обусловлено двойственной идеографической природой иероглифического знака. Для носителя русского языка привычным является отображение на письме одного звука в виде одного знака, но иероглифическая система письма позволяет не только передавать на письме набор звуков, но также связывает в сознании носителя определенный письменный знак с фрагментом реальности, то есть иероглиф совмещает в себе одновременно и план содержания, и план выражения. Следствием этого становится зачастую неоднозначная трактовка отдельных лексических элементов. Рассмотрим несколько примеров из романа «Норвежский лес»³:

1. 工夫 *куфу*: ‘средство’. В современном японском это труднопереводимое слово означает различные уловки, с помощью которых облегчается некоторый трудоемкий процесс. Если посмотреть на семантику отдельных знаков, то знак 工 означает ‘труд, работа’, а знак 夫 – ‘муж, мужчина’. Данное сочетание изначально пришло из китайского языка, где оно означало «поденщик, чернорабочий», что явно позволяет отнести слово к мужчинам. Во время тяжелого труда мужчины придумывали различные уловки, позволяющие облегчить труд, и, таким образом, слово обрело свое современное значение. Кроме того, это сочетание знаков употребляется и в терминологии дзэн-буддизма, и означает полное самоотверженное погружение в медитацию во время практики *дзадзэн*.

2. 遠慮 *энрё* ‘скромность, сдержанность, застенчивость’. Знак 遠 означает ‘далекий’, а знак 慮 – ‘мысль, размышление’. Происходит от устойчивого сочетания *ёдзидзюкуго* 深謀遠慮 *синбо:энрё*, что означает «задумываться от далеком будущем». Отсюда берется смысл «думать о грядущем, не предпринимая никаких серьезных действий, сдерживая себя».

3. 束の間 *цука-но ма* ‘мгновение, момент’. Знак 束 сам по себе означает «связка, пучок, букет», но также у него есть и значение «ширина четырех пальцев

³ Для уточнения этимологии слов использовались электронные этимологические словари японского языка <http://yain.jp/> и <https://proverb-encyclopedia.com/two/kufu/>

руки, сжатой в кулак». Считается, что такая ширина равняется примерно 8 см, что не очень много, и отсюда пошло и сравнение с коротким промежутком времени. Иероглиф 間 в свою очередь означает промежуток в пространстве и времени, так что по смыслу входящих в него знаков данное выражение означает «промежуток, равный ширине ладони», что по своей этимологии очень далеко от представления о времени.

4. 玉子 *тамаго* ‘яйцо’. Для обозначения этого понятия есть и другая форма записи – 卵 (с тем же чтением), которая уже является пиктограммой. Рассматриваемый же вариант состоит из знаков 玉 ‘шар’ и 子 ‘ребенок’, что отсылает нас к факту появления цыплят из круглых яиц.

5. 皮肉 *хинику* ‘ирония, сарказм, цинизм’. Сочетание знаков 皮 ‘кожа, шкура’ и 肉 ‘мясо’ на первый взгляд не имеет никакой связи с иронией, но изучение истории данного термина позволяет установить эту связь. В буддийской среде «кожей и мясом» называлось человеческое тело, а также тело, в которое вселяется злой дух. Затем этот термин стали использовать для обозначения «ощущения, будто кожу отделяют от плоти». Позднее, с развитием дзэн-буддизма появилось сочетание 皮肉骨髓 *хиникукоцудзуй*, где 骨髓 означает костный мозг: плоть и кожа противопоставлялись костному мозгу как чему-то более глубокому и выступали эвфемизмом недостаточного просветления нерадивых учеников. Таким сложным и нетривиальным образом данный термин и приобрел значение критики чужих недостатков.

Заключение. Лакуны в японском языке характеризуются семантической и этимологической глубиной, которую крайне непросто отразить в переводе для неподготовленного читателя. Более ассоциативное мышление японцев [5], а также имеющая долгую историю иероглифическая письменная система, способствуют отличному от привычного русскому человеку восприятию мира и, соответственно, выражению мыслей с помощью языковых средств, что является причиной наличия в языке большого количества культурно-специфических реалий.

Большая часть лакун японского языка, согласно классификации Николаевой, являются лингвистическими и этнографическими, что обусловлено большим

количеством специфических для японской культуры реалий. Также в отдельную категорию, на наш взгляд, следует выделить идеографические лакуны, обусловленные спецификой иероглифической письменности. В случае перевода на другой язык художественных произведений современных авторов, наиболее эффективным способом устранения лакун видится компенсация, позволяющая реципиенту легче воспринять основной смысл, однако при переводе более старых произведений, а также произведений узкой тематики, может потребоваться использование заполнения. Дальнейшее исследование лакун японского языка может потребовать создания уникальной классификации, учитывающей все особенности японского языка.

Список литературы:

1. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №25. С. 22-27.
2. Дашидоржиева Б.В. История лакунологии: истоки, пути становления и развития // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, (14). С. 173-179.
3. Липатова Ю.Ю. Лакунарность: основные дефиниции и подходы к изучению // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 9-10. С. 214-217.
4. И.А. Стернин. Концепты и лакуны // Перевод и межкультурная коммуникация. - Н.Новгород, 2003. С. 158-169.
6. Марковина И.Ю. Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур // Вопросы психолингвистики. 2004. №2. С. 58-64.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
8. Николаева Э.А. Лакунарность языка как переводческая проблема (опыт классификации лакун) // Современные проблемы перевода. Доклады международной конференции, Академия ФСБ РФ, 17.05.2004. М., 2005. 6 с.
9. Мендрин В.М. История сёгуната в Японии: Нихон Гайси: В 2-х тт. / Пер. с яп. – Т. 2. – М.; СПб.; Рос. гос. б-ка: Летний сад. 1999. 384 с.
10. Сорокин Ю.А., Морковина И.Ю., Крюков А.Н. Этнопсихолингвистика. Отв. ред. и авт. предисл. Ю.А. Сорокин. М.: Наука, 1988. 192 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ

*Электронный сборник статей по материалам LXI студенческой
международной научно-практической конференции*

№ 3 (61)
Март 2023 г.

В авторской редакции

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: humanities@nauchforum.ru

16+

